

Михаил ОКУНЬ

Михаил Окунь родился в 1951 году в Ленинграде. Окончил ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина). Работал радиоинженером, литературным консультантом в ленинградской писательской организации СП СССР, редактором. Автор десяти сборников стихов и трех книг прозы. Публикации в журналах «Звезда», «Урал», «Нева», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Зинзивер», а также в альманахах, антологиях в России и за рубежом. С 2002 года живет в Германии. В «Волге» публиковались стихи и рассказы.

ДЕДУШКА

Рассказ

Теперь-то понимаю, что совсем не знал этого человека, хотя прожил с ним на земле бок о бок двадцать лет. В этом году исполняется пятьдесят лет со дня его смерти.

Когда я родился, ему было примерно 75. Почему примерно? – я не знаю даты его рождения. Не обозначена она и на могильной плите на кладбище Жертв 9 января, где он похоронен. Только год рождения – 1876. На четыре года старше Блока...

Когда я уже начал осмысленно чем-то интересоваться, ему было за восемьдесят. Рассказывали, что иногда он дожидался меня из детского сада, сидя на гранитной тумбе у ворот нашего дома на Большой Московской. Покупал для меня пряники в кульке серой грубой бумаги, бывшей тогда в ходу как упаковочная для чего угодно – в том числе и для масла и колбасы. Ходил за ними, вероятно, в магазин Росконд на Загородном. Позже меня поражала роскошь отделки интерьера этого заведения – голубая материя с блеском под стеклянными накладками-медальонами.

Одна наша знакомая рассказывала такую историю. Она шла по улице в районе Лиговки и увидела, как в сквере гуляет детсадовская группа. И только один мальчик – это был я – не играет с остальными детьми, а стоит у чугунной ограды и слезно молит прохожих забрать его и отвести домой. И в качестве самого сильного аргумента приводит следующий: «У меня там дедушка старенький, у него борода и усики, он плачет, меня ждет...» Дома восприняли это юмористически, но мне-то было не до смеха...

Да, он носил бородку клинышком и до самых последних лет не облысел. Нынче в моде бороды лопатой, как сказали бы в то время, дворнички. Я бороды не ношу, и надеюсь, что, в дедушку, никогда окончательно не оплешивею.

Он не служил в армии. К началу Первой мировой ему было под сорок – предполагаю, что его не призвали по возрасту. Или как еврея. Хотя на одном историческом сайте нашел скудные сведения о первом еврее, награжденном военным орденом Российской империи. Он был из их мест, из пермских. Фамилия его была Окунь. Может быть, родственник.

К началу Великой Отечественной ему было уже 65 – конечно, его не призвали. (В это время мой второй дед, из крестьян Тверской губернии, сорока одного года отроду, томился в лагерях где-то в Коми, где на следующий год и умер.)

Кем и где он работал? Вроде, каким-то мелким служащим, конторщиком, как тогда говорили. Высшего образования у него не было. Но, во всяком случае, какую-то пенсию он заработал. В отличие от бабушки.

Ее документы сгорели или пропали. Возможно, это случилось, когда в дом №13 по Большой Московской во время блокады попала авиабомба. Причем попала так, что верхний, пятый этаж оставался цел, и их оттуда эвакуировали пожарные.

Всю жизнь она шила, шила... Обеденный стол, стоявший посреди комнаты, был завален лоскутами различной материи. Он был так велик, что, раздвинув его и вставив удлинительную доску, мы могли играть в настольный теннис.

В комнате – постоянная череда «профессорских жен», крепдешин, бархат, панбархат... Когда-то бабушка работала в знаменитом ателье «Смерть мужьям» на Невском, прозванном так из-за соответствующих цен. Всю жизнь боялась, что соседи по коммуналке донесут – шьет-то без патента. Так и увезли ее в больницу от этого стола...

Деньги благодаря ей водились. Были и сменяющиеся домработницы, и ванну за свой счет установили. Соседи не дали ни копейки, сказав – вам надо, вы и устанавливайте. Но потом пользовались за милую душу.

Отношения с этими соседями, пожилой парой, Павлом Ивановичем и Анной Сергеевной (удивительно четко сидят их имена в памяти), были натянутыми. Была у них антисемитская жилка. Но ко мне они относились хорошо. Приглашали в гости в свою комнату. Положили начало моей нумизматической коллекции, подарив две монеты, и по сию пору остающиеся самыми ценными в ней – медный петровский пятак и серебряный елизаветинский гривенник.

Третью комнату этой небольшой по ленинградским меркам коммуналке занимали моя тётя, сестра отца, с мужем и их сыном, моим двоюродным братом, старше меня на 13 лет. Он любил залезать с головой в старую шубу, рыжим мехом навыворот, и пугать меня неким Румпумпуром. Я знал, что это он, но всё равно было страшно.

Бабушка и дедушка были, конечно, «жителями блокадного Ленинграда». Но кто тогда об этом думал? День победы-то стали широко праздновать только с 1965 года, с двадцатилетия победы. А до этого – без всякой помпы, ведь многие хотели забыть войну поскорее.

Что еще о нем помню? Страдал от изжоги, постоянно пил соду, которую я решился однажды попробовать. Оказалось невкусно. Куда лучше выпрашивать у бабушки сахарные гомеопатические шарики аурум йод.

Была у него контрактура безымянного пальца. Я всё приставал – что это, почему...

Только раз я запомнил их разговор с бабушкой на повышенных тонах. Очень удивился. Но не понял ничего – говорили на идише.

Отопление было печное. Он протапливал печку-голландку, ворошил чугунной кочергой угли, возился с заслонкой. Дрова хранились в подвале дома.

Почему они перебрались из Перми в Петроград? – уже не спросишь. Отец, 1918 года рождения, родился еще там, на Урале.

Видимо, дедушка был человеком абсолютно тихим, совсем не амбициозным. Может, таким и надо быть? «Хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался».

В 1961 году у него было 85-летие. Но не помню ни застолья, ни поздравлений. Как и пятью годами позже, на 90-летие. Как-то не принято было. Это сейчас начинают праздновать «юбилеи» чуть ли не с сорока пяти, если не раньше. Да и помнил ли он сам, когда у него день рождения? Возможно, что и нет.

Одним из сильных впечатлений у него остался эпизод, о котором он рассказал моему двоюродному брату, а тот пересказал мне. Они ехали в поезде. На какой-то станции он стоял у окна в коридоре, когда на путях напротив затормозил другой поезд. На своем лице дед ощутил белый остановившийся взгляд из окна того поезда.

Распутин! Его хорошо знали по газетным фотопортретам. Дедушка испугался и ушел в купе. Оказывается, через эту станцию проходил царский поезд.

Дедушка остался на трех фотографиях. Первая, семейная, датирована концом 30-х годов. Две других сделаны, видимо, в 60-х. Один портретный снимок. На втором он сидит на своей постели. По правую руку от него резной буфет со столбиками, по левую – большой полированный ящик одного из первых советских телевизоров «Север» с маленьким экраном. На нем, свисая, лежит рубашка.

О, эта заря отечественного телевидения! Передачи лишь часов до восьми-девяти вечера, один выходной в неделю, одна детская передача – тоже в неделю. В ней какой-то восточный человек в чалме сидит по-турецки. Меня до глубины души поражает, что сначала он сидит совершенно неподвижно, а потом внезапно оживает и начинает рассказывать сказки. Думаю, этого сказителя уже не обнаружишь даже в самых глубоких телеархивах. И еще воспоминание, связанное с телевизором, – отец приходит домой выпивши (мы жили в той же комнате за ширмой), делает всем выговор, что пьемся мы на плохо отрегулированное изображение, и начинает его «настраивать». Изображение становится всё хуже, и отец в раздражении бросает это дело. Смотреть телевизор после этого становится уже вообще невозможно.

Да, так, как на этом снимке, дедушка сидел и сидел, день за днем, на улицу уже не выходил. Любил слушать по радио «Последние известия». Я удивлялся – если они «последние», то почему повторяются вновь и вновь?

Постепенно в жизни начали происходить изменения. Отец с матерью развелись. Вскоре нам с мамой дали совсем маленькую комнатку в коммуналке неподалеку, на Малой Московской, куда мы и переехали. Шел 1961 год. Прошла денежная реформа.

В гости к бабушке с дедушкой я продолжал ходить регулярно, иногда сразу после школы. Там, у них, оставался и мой настольный футбол. И мне надо было проводить разные первенства, рисовать и заполнять турнирные таблицы. На проведение чемпионата СССР я не замахивался. Команды, помнится, у меня были довольно экзотические. Например, сборная Валдайской возвышенности.

Играл я, естественно, сам с собой. Сам был и комментатором, и редактором стенгазеты о футболе, которую выпускал на обороте «Боевых листков», привезенных отцом с военных сборов.

Но однажды мой футбол там закончился. Я слишком расшумелся во время очередного репортажа. Бабушка чувствовала себя, вероятно, уже неважно, и бывшая в гостях родственница, некая тетя Оля, решительно собрала мой футбол в коробку и сказала – мол, уноси домой, там и играй. Я обиделся на то, что ни бабушка, ни дедушка за меня не заступились.

Бабушка умерла летом 1964 года. Ей было 84. Дедушка, как мне потом рассказали, плакал. Они прожили вместе около шестидесяти лет, у них родилось четверо детей, один из которых умер в младенчестве. Мой отец был младшим.

Я узнал об этом в пионерском лагере. Был родительский день, и устроили КВН. Все тогда им бредили. В моде были остроумные молодые люди, не лезшие за словом в карман. Хотя юмор, конечно, был совсем иной.

Я был капитаном одной из команд. Даже сохранилось фото, где я стою на сцене клуба и читаю что-то по листочку. В пиджачке, белой рубашке и при галстучке.

Мы проиграли. Было очень обидно, я еле сдерживал слёзы. И когда мне сказали, что бабушка умерла, расплакался. Мама сказала мне жёсткую вещь: «Ведь ты плачешь не потому, что бабушка умерла, а что проиграл...» Она была права.

Изменения между тем нарастали. Отец на гонорары от книг по радиопередающим устройствам купил однокомнатную кооперативную квартиру и переехал туда. Потом и тетя с семьей, сдав теперь уже две комнаты в коммуналке и забрав дедушку, переехали в новую четырехкомнатную квартиру в Дачном, на улицу

Подводника Кузьмина. Комнаты, кроме одной, были там совсем маленькими. В одной из этих клетушек дедушка и лежал, сидеть он уже не мог.

Иногда, хотя и нечасто, повторяется сон, в котором у меня есть ключи от той квартиры №22, в доме №13 по Большой Московской. А мне некуда идти ночевать, и я направляюсь туда. Хотя в какой-то момент появляется мысль – имею ли я право быть там?

В комнате темно, только свет фонарей в окнах. В углу печка-голландка, вот наша ширма, вот буфет, стол. Но никого нет, вид у комнаты нежилой. А у меня была тайная надежда – вдруг они живы и я их увижу? И теперь мне надо провести здесь ночь...

Лет двадцать назад я зашел в этот дом и поднялся на пятый этаж (теперь сделать это было бы сложнее – кодовый замок). Снаружи, где были огромные лестничные окна во двор, присобачили лифт, вместо окон – двери его шахты. Тяжелые широкие перила полированного дерева, по которым когда-то лихо скатывался, выкрашены дурацкой коричневой краской. На месте наших дверей в квартиру обнаружил небольшой тамбур с тремя дверями, на которых были разные номера. Квартиру перепланировали на три отдельных.

Я часто ездил к тётё в гости в Дачное, практически каждые выходные. Ушел в армию, вернулся, и продолжал ездить. Заходил в комнату дедушки поздороваться. Он вглядывался, говорил «А, Мишенька...» Однажды я помогал приподнять его и повернуть на бок, чтобы смазать пролежни.

Он умер 31 мая 1971 года. Ему было 94 или 95 лет. Мне было двадцать.

Когда мы везли его на кладбище, мне захотелось сказать что-нибудь этакое, пободрее. И сморозил глупость, о которой не перестану жалеть. Наклонившись к Виктору, школьному другу моего брата, я сказал тихонько: «Поднадоел он им уже...» Виктор внимательно посмотрел на меня и ответил: «Ну, что ты!..»

Еще через 24 года к могиле дедушки мы подхоронили урну с прахом отца. Так и навещаю их могилу. «Окунь Лейба Моисеевич...» Что ж, во всяком случае, я знаю, как звали моего прадеда...